

РЕЦЕНЗИЯ
на рукопись монографии С. К. Белых
«Проблема распада прапермской этноязыковой общности»

Интерес к этнической истории пермских народов в научных кругах высок. При этом, если относительно поздние этапы (после XV-XVI вв.) самостоятельного развития народов пермской языковой группы достаточно хорошо отражены в письменных источниках, что дает возможность исследователям довольно подробно освещать различные аспекты их исторического пути, то вопросы, связанные непосредственно с происхождением удмуртов, коми и коми-пермяков, а также с историей их общих предков *прапермян*, разработаны крайне поверхностно и весьма схематично. Поэтому можно только приветствовать появление монографического исследования С. К. Белых, в котором исследователь, обращаясь к решению узловой проблемы этнической истории пермских народов, ставит перед собой цель построение модели дивергенции прапермской этнолингвистической общности.

В структурном отношении монография состоит из «Введения», четырех глав («Историография и методология», «О пермской прародине и пермском пранароде», «Общепермский праязыковой континуум», «Причины и хронология распада общепермского континуума»), «Заключения» и списка использованной литературы. В качестве приложений автором представлены составленный им для глоттохронологических вычислений «Малый (100-словный) список М. Сводеша для пермских языков» (в дополнение к которому прилагаются подобные же диагностические списки, разработанные на основе словариков С. Е. Яхонтова (110 слов) и Е. А. Хелимского (92 слова)), а также карта, на которой отражены территории археологических культур Прикамья V-IX вв. (*Ломоватовская, Неволинская, Поломская*) в сопоставлении с границами ареалов ключевых для определения локализации пермской прародины видов деревьев (*кедровая сибирская сосна, дуб, лещина*).

Во «Введении» автор четко обозначает объект, предмет, цели и задачи исследования, дает общую характеристику используемым в работе понятиям и терминам. Затрагивая вопрос об источниковой базе исследования С. К. Белых вынужден констатировать, что избранный им для изучения период в этнической истории пермских народов весьма скупо документирован в письменных источниках, из чего вытекает необходимость комплексного использования данных ряда смежных дисциплин – языкознания, археологии, этнологии, физической палеоантропологии, палеобиогеографии и др. Оценивая познавательные возможности каждого из указанных научных направлений, автор убедительно аргументирует первостепенную важность данных исторического языкознания при реконструкции (моделировании) этнических процессов прошлого. Постулируя методологически важный для своей работы тезис «один язык – один народ», С. К. Белых совершенно справедливо подчеркивает, что язык, обладая наиболее яркой и очевидной «этничностью», способен предоставить исследователю важнейшую исторически значимую информацию об его носителях.

Глава I «Историография и методология» открывается параграфом, в котором автор затрагивает общелингвистическую проблему моделирования процесса распада праязыка. Отмечая, что в качестве подобной модели не может рассматриваться схема родословного древа языков, поскольку она отражает не *исторический процесс* языковой дифференциации, а

лишь его *результат*, С. К. Белых обращает внимание читателя на модели процесса языковой дивергенции, предложенные в работах Е. А. Хелимского и В. В. Напольских. Констатировав, что те выводы, к которым пришли исследователи на примере изучения распада прауральского и прафинно-угорского языков, могут быть с успехом использованы и в области пермского исторического языкознания, автор, учитывая что в уралистике ставится под сомнение наличие ряда промежуточных праязыков, в следующем параграфе указывает на отсутствие у лингвистов каких-либо сомнений в существовании в прошлом *прапермской этноязыковой общности* или, иными словами, *прапермского народа*, говорившего на *прапермском языке*. В следующих двух параграфах рассматриваются взгляды относительно причин и времени распада прапермской этноязыковой общности представителей двух основных изучающих затронутую проблему дисциплин – *археологии* и *языкознания*. Подробный историографический обзор, представленный в рукописи монографии, со всей очевидностью свидетельствует, что выводы обоих научных направлений серьезно расходятся между собой: в археологической литературе распад прапермской общности датируется, как правило, финалом существования Ананьинской археологической культуры (т.е. III в. до н.э.), в лингвистической – временем проникновения в Прикамье булгар (VIII-IX вв. н. э.), приход которых, как считается, вызвал миграцию части прапермян на север, что и привело к разрыву общепермского языкового единства. В заключительном параграфе С. К. Белых отмечает наметившиеся в научной литературе пути, способные снять существующие противоречия (отказ от прямолинейного сопоставления *археологическая культура – этнос*; пересмотр взглядов относительно этнической однородности населения Ананьинской археологической культуры; учет того, что многие группы носителей праязыковых диалектов не оставили прямых языковых потомков).

В первом параграфе II главы «О пермской прародине и пермском пранароде» рассматриваются высказывавшиеся в научной литературе точки зрения относительно локализации прародины пермян. С. К. Белых отмечает, что если в археологических работах примерно с середины XX в. (после публикаций А.П.Смирнова, О.Н.Бадер, А.В.Збруевой и др.) постепенно утвердилась и стала «классической» точка зрения, согласно которой вся территория распространения памятников Ананьинской археологической культуры (VIII – III в. до н.э.) рассматривается в качестве пермской «прародины», то исследователи-лингвисты вслед за Ю. Вихманном, изучавшим булгаризмы в пермских языках, без каких-либо дополнительных исторических обоснований локализуют территорию проживания пермского пранарода вплоть до прихода в VII-VIII вв. н. э. на Среднюю Волгу булгар в низовьях междуречья Вятки и Камы. При этом, автор высказывает сожаление, что хорошо зарекомендовавший себя в финно-угроведении и уралистике при определении финно-угорской и уральской прародин метод лингвистической палеонтологии фактически оказался не востребуемым специалистами в области пермского языкознания. Перед тем как приступить к решению проблемы локализации пермской прародины при помощи этого метода С. К. Белых во втором параграфе данной главы обращается к вопросу о времени распада прапермского языка, поскольку от полученного ответа непосредственно зависит подбор данных по палеобиогеографии и климатологии. Используя различные методики, в том числе впервые в пермистике и метод глоттохронологии, разработанный американским лингвистом М. Сводешем, исследователь приходит к выводу, что говорить о начале распада прапермского языка можно не ранее рубежа I – II тыс. н.э. Исходя из этого положения в следующем параграфе автор успешно решает проблему определения пермского праязыкового экологического ареала. Установив, что наиболее важную роль в его локализации играют общепермские названия для дуба и лещины, с одной стороны, и реконструируемое прапермское название сибирской кедровой сосны – с другой, С. К. Белых помещает этот ареал в Среднем Прикамье в пределах современного Пермского края, приблизительно между 57-й и 58-й параллелями северной широты. В заклю-

чительном параграфе II главы автор на основе полученных им данных о прапермском экологическом ареале обращается к данным археологии о размещении исторических популяций Прикамья в I тыс. н.э. Отмечая, что территория *Гляденовской* археологической культуры (III в. до н.э. – IV в.н. э.) практически совпадает с прапермским экологическим ареалом, создателей именно этой культуры он предлагает рассматривать в качестве прямых языковых и генетических предков современных пермских народов. Во второй половине I тыс. н.э. районы расселения прапермян несколько увеличиваются (*Неволинская*, *Поломская* и *Ломоватовская* археологические культуры (V-IX вв.)), а уже с конце I тыс. н.э. они заселяют огромные пространства от низовий Камы до Вычегды.

В главе III «Общепермский языковой континуум» автор, не поддерживая предлагавшуюся лингвистами *миграционную теорию* в объяснении процесса распада прапермского языка, пытается в соответствии с моделью языковой дивергенции, предложенной Е. А. Хелимским, обосновать прохождение прапермским языком на заключительном этапе своего существования фазы *языкового континуума*. Обращая внимание, что исследователям уже давно хорошо известно об «особых отношениях» между южными диалектами коми языка и северными диалектами удмуртского языка С. К. Белых замечает, что выявленные общие черты, как правило, объясняются лингвистами либо наличием сохранившихся архаизмов, либо непосредственным взаимовлиянием смежных диалектов удмуртского и коми языков. Для того, чтобы выяснить действительную природу возникновения «особых отношений» между диалектами пермских языков в первых двух параграфах III главы автор обобщает накопленные на сегодняшний день данные о схождениях в области фонетики, морфологии и лексики в южных коми и северных удмуртских диалектах. Необходимо отдать должное автору, представленный им материал является, пожалуй, наиболее полным обобщением отдельных наблюдений лингвистов. В заключительном параграфе главы представлена историческая интерпретация данных диалектологии. Как считает исследователь, ряд обстоятельств, таких как: относительно давнее разделение в результате русской колонизации ареалов расселения удмуртов и коми, схождения не только в области лексики, которая сравнительно легко заимствуется, но и в области фонетики и морфологии, некоторые особенности фонетического и семантического свойства, которыми характеризуются отдельные лексических параллели, не позволяет рассматривать «особые отношения» в диалектах удмуртского и коми языков как результат их вторичных контактов. В то же время эти «особые отношения», по мнению С. К. Белых, получают объяснение в рамках предлагаемой им концепции прапермского языкового континуума.

Глава IV «Причины и хронология распада общепермского континуума» начинается с параграфа «Предварительные замечания». Здесь автор в дополнение к лингвистическому аспекту вопроса об общепермском континууме приводит некоторые данные смежных дисциплин – археологии, физической антропологии, а также свидетельства письменных памятников, которые, как считает С. К. Белых, могут рассматриваться в качестве прямых или косвенных подтверждений результатов, полученных им в ходе анализа диалектологического материала пермских языков. На основании изложенных фактов исследователь приходит к выводу, что дезинтеграция общепермского континуума началась в булгарскую эпоху (VIII-XIV вв.). В следующих параграфах анализируются факторы обусловившие этот процесс. Среди наиболее значимых – различная политическая и культурная ориентация северных и южных групп пермян. Если первые, будущие коми, оказались в зоне влияния Русского государства, русской культуры и языка, то последние – предки удмуртов, длительное время находились в составе различных тюркских государств, что нашло свое отражение как в их культуре, так и в языке. Еще одним немаловажным фактором обусловившим окончательное разделение прапермского языкового континуума, на котором специально в отдельном параграфе оста-

навливается автор монографии, явился фактор относительно ранней (XIV-XV вв.) христианизации коми, тогда как в отношении удмуртов фактически до XVIII в. не предпринималось сколько-нибудь последовательных шагов по обращению их в православную веру.

Завершает работу «Заключение», где автор перечисляет основные выводы сделанные им в ходе исследования.

Оценивая высокую степень научного профессионализма, с которым С. К. Белых освещает сложную тему, позволю себе, тем не менее, высказать ряд наиболее существенных замечаний, возникших у меня в ходе ознакомления с рукописью. Во-первых, не является ли предложенный автором тезис «один язык – один народ» чересчур прямолинейным? Ведь если язык, как средство коммуникации, не меняет этого своего качества на всем протяжении истории человечества, то такое понятие, как «народ» на разных стадиях человеческой истории имеет качественно различное наполнение (тотемные группы, аморфные союзы генеалогических кланов, наконец, собственно этносы или этнические общности современности). Во-вторых, автор, специально оговаривая это, опирался в своих рассуждениях о расселении прапермян на схему археологических культур Прикамья, предложенную Р.Д. Голдиной. В то же время, ряд исследователей, в том числе и автор этих строк, полагают, что в XIII-XIV вв. происходит запустение территорий бассейна Чепцы и Верхнего Прикамья. Наконец, с последним обстоятельством, связано наше третье замечание: освоение указанных выше территорий предками современного удмуртского и коми-пермяцкого населения происходит относительно поздно – не ранее конца XIV (Верхнее Прикамье) – конца XV (Чепца) вв., что хорошо документировано письменными источниками. Таким образом, по крайней мере, образование северных диалектов удмуртского языка, в которых выявлены «особые отношения» с южными диалектами коми языка, происходило довольно поздно. Из этого следует, что «особые отношения» хотя бы части северных диалектов удмуртского языка все же, как мне кажется, следует рассматривать в качестве результата вторичных контактов удмуртов и коми.

Высказанные замечания, конечно же, требуют своего дальнейшего осмысления, однако они никоим образом не снижают фундаментального значения тех выводов, к которым в ходе своего исследования пришел С. К. Белых. Полагаю, что монография «Проблема распада прапермской этноязыковой общности» представляет несомненный научный и практический интерес, и может быть рекомендована к изданию.

К.и.н., с.н.с. отдела исторических исследований УИИЯЛ УрО РАН

Чураков В.С.